

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 505–512
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 505–512
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-505-512>, EDN: QPCIUP

Научная статья
УДК [94(58):327.5] | 20 |

Основные направления взаимодействия НАТО с государствами Центральной Азии в XXI веке

Е. С. Корнев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Корнев Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, korenev.es@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0299-6652>, AuthorID: 1004729

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие НАТО с государствами Центральной Азии в двустороннем и многостороннем форматах на протяжении последних 20 лет. Отдельное внимание уделяется анализу афганского фактора в отношениях сторон. Формулируется вывод о том, что на протяжении нескольких десятилетий НАТО целенаправленно старалось усиливать свои геополитические позиции в Центральной Азии, чтобы уменьшить тем самым влияние России на региональные процессы в области безопасности.

Ключевые слова: НАТО, Центральная Азия, программа «Партнерство ради мира», постсоветское пространство, евроатлантическая безопасность, Россия, Афганистан

Для цитирования: Корнев Е. С. Основные направления взаимодействия НАТО с государствами Центральной Азии в XXI веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 505–512. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-505-512>, EDN: QPCIUP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The main directions of NATO interaction with the states of Central Asia in the XXI century

E. S. Korenev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Evgeny S. Korenev, korenev.es@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0299-6652>, AuthorID: 1004729

Abstract. The article examines NATO's interaction with Central Asian states in bilateral and multilateral formats over the past 20 years. Special attention is paid to the analysis of the Afghan factor in the relations of the parties. The author concludes that for several decades NATO has purposely tried to strengthen its geopolitical position in Central Asia in order to reduce Russia's influence on regional security processes.

Keywords: NATO, Central Asia, "Partnership for Peace" programme, post-Soviet space, Euro-Atlantic security, Russia, Afghanistan

For citation: Korenev E. S. The main directions of NATO interaction with the states of Central Asia in the XXI century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 505–512 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-505-512>, EDN: QPCIUP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Еще в 1990-е гг. блок НАТО приступил к развитию отношений с государствами Центральной Азии, пытаясь воспользоваться ослаблением позиций России в регионе и создать прочную основу для своего присутствия. Практическое сотрудничество сторон началось во многом благодаря программе «Партнерство ради мира», которая была нацелена на проведение реформы оборонного сектора государств-партнеров, подготовку их военнослужащих в учебных учреждениях стран НАТО и организацию совместных учений [1, с. 92]. Все страны региона присоединились к этой програм-

ме в 1994 г., за исключением Республики Таджикистан, которая по объективным причинам, связанным с необходимостью восстановления после гражданской войны 1992–1997-х гг., сделала это позже – лишь в 2002 г. [2].

Кроме того, стоит упомянуть о том, что государства Центральной Азии довольно активно в 1990–2000-е гг. взаимодействовали с НАТО на площадке Совета евроатлантического партнерства (СЕАП), созданного в 1997 г. [3, с. 33]. СЕАП в свою очередь пришел на смену Совету североатлантического сотрудничества (ССАС), сформированному в 1991 г. для налаживания от-

ношений Альянса с государствами Центральной и Восточной Европы, а также странами СНГ. Участие в данном механизме дало центрально-азиатским республикам возможность не только в многостороннем формате обсуждать такие вопросы, как кризисное урегулирование и операции по поддержанию мира, контроль над вооружениями и нераспространение ОМУ, борьба с международным терроризмом, но и осуществлять коммуникацию с представителями НАТО в рамках своей работы по линии программы «Партнерство ради мира».

Интенсификация отношений Североатлантического альянса с государствами Центральной Азии произошла после 2001 г., когда Организации потребовалось создать крепкий тыл для проведения масштабной операции в Афганистане. Стоит признать, что центральноазиатские республики внесли большой вклад в тыловое обеспечение контингентов, действовавших в составе Международных сил содействия безопасности (МССБ), поскольку отдельные государства-члены НАТО активно использовали их транспортно-логистический потенциал. Достаточно вспомнить про создание в начале 2000-х гг. американских авиабаз Карши-Ханабад в Узбекистане и «Манас» в Кыргызстане, а также про размещение военного инженерного корпуса Франции в аэропорту Душанбе для оказания технической помощи французским военнослужащим, находившимся на афганской территории.

Блок НАТО сотрудничал с государствами Центральной Азии не только в транспортно-логистической сфере, но и по другим вопросам безопасности преимущественно в индивидуальном формате. После того как в 2002 г. Казахстан, Киргизия и Таджикистан вступили в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), такое взаимодействие стало осуществляться в новых геополитических реалиях, в том числе с учетом наличия российских военных объектов в странах региона (аэродром «Кант» в Кыргызстане и 201-я военная база в Таджикистане). Несмотря на неоднократные предложения со стороны ОДКБ наладить совместную работу по противодействию наркотрафику, экстремизму и терроризму, Североатлантический альянс всегда оставлял их без внимания и стремился к тому, чтобы стать ключевым игроком в сфере региональной безопасности.

Свидетельством повышенного внимания руководства НАТО к государствам региона стало турне генерального секретаря Альянса Я. Схеффера по центральноазиатским государствам, состоявшееся в сопровождении спецпредставителя генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии Р. Симмонса в 2004 г. [4]. Чуть ранее в том же году на Стамбульском саммите Организации было принято решение

об углублении сотрудничества с этими республиками. Планировалось существенно улучшить механизмы связи с центральноазиатскими государствами, что, в частности, предусматривало назначение представителя по связи, а также Специального представителя генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии из числа сотрудников Международного секретариата [5]. Необходимо отметить, что учреждение подобной должности помогло Альянсу сделать свою политику на центральноазиатском направлении намного более гибкой, поскольку назначенный чиновник мог эффективнее выстраивать отношения с каждой конкретной страной региона, исходя из ее специфики.

К началу 2000-х гг. наблюдалась определенная градация государств Центральной Азии с точки зрения интенсивности их отношений с Североатлантическим альянсом. В первую очередь характер взаимодействия зависел от специфики внутривнутриполитического режима каждой страны региона, масштабов ее оборонного сектора, а также от того, входила она в Организацию Договора о коллективной безопасности или нет.

Особое место среди партнеров НАТО в Центральной Азии всегда занимал Казахстан как крупнейшее государство региона, обладающее довольно большим военным потенциалом и имеющее стратегическое расположение. Несмотря на то, что даже на фоне ситуации в Афганистане в 2000-е гг. страна не стала размещать на своей территории базы государств-членов Альянса, ей удалось укрепить практическое сотрудничество с Организацией Североатлантического договора, которое осуществлялось по целому ряду направлений еще с начала 1990-х гг.

В январе 2006 г. Казахстан первым среди стран Центральной Азии подписал Индивидуальный план действий партнерства с НАТО [6, с. 69]. Дальнейшее практическое сотрудничество сторон во многом строилось на базе именно этого документа. Неудивительно, что среди всех государств Центрально-Азиатского региона именно Казахстан впервые на своей территории провел так называемую «Неделю НАТО». Традиционно в Брюсселе уделяли повышенное внимание использованию данного механизма партнерства при выстраивании отношений с государствами Балканского полуострова и постсоветского пространства. Запуск «Недели НАТО» свидетельствовал об особой значимости Казахстана для Организации Североатлантического договора. С 18 по 22 июня 2006 г. в Алма-Ате и в Астане при поддержке Управления общественной дипломатии НАТО и посольства США, являвшегося в тот момент контактным посольством Альянса в Казахстане, была организована серия молодежных семинаров, круглых столов по вопросам безопасности, конкурсов сочинений, а также пресс-конференций на высоком уровне [7].

Обращает на себя внимание то, что в рамках «Недели НАТО» 20 июня 2006 г. в Алма-Ате была открыта первая библиотека-депозитарий НАТО в Центральной Азии при Казахском национальном университете имени аль-Фараби, которая затем довольно активно использовалась для создания положительного образа Альянса и распространения информации о нем в казахстанском обществе. По случаю открытия такого важного центра общественной дипломатии был специально проведен конкурс студенческих эссе на тему «Казахстан и НАТО: диалог партнеров».

Помимо прочего, в ходе «Недели НАТО» были организованы экспертные семинары на высоком уровне. Один из них на тему «НАТО и Казахстан: совместное решение глобальных задач обороны и безопасности в 21-м веке» в Алма-Ате провел Международный институт современной политики, другой, посвященный сотрудничеству Альянса и Казахстана в научной сфере, состоялся в Астане на площадке Евразийского национального университета.

Начиная с 2000 г., Казахстан и НАТО проводили совместные миротворческие учения «Степной орел», в которых, помимо казахстанских военнослужащих, также принимали участие американские и британские подразделения миротворцев. Первые подобные маневры, посвященные вопросам миротворчества, состоялись еще в 1997 г. [8]. Такие учения были направлены на повышение уровня оперативной совместности казахстанских военнослужащих с представителями вооруженных сил государств-членов НАТО, для того чтобы в дальнейшем они могли совместно участвовать в миротворческих операциях под эгидой Альянса.

В целом, несмотря на то, что многие на Западе воспринимали Казахстан как одного из ближайших союзников России, Североатлантическому альянсу удалось выстроить с ним довольно прагматичные и крепкие отношения в области безопасности во многом благодаря развитию диалога на высшем уровне, который активно осуществлялся с 1990-х гг. Большой вклад в развитие такого диалогового формата внес первый президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, который неоднократно посещал штаб-квартиру НАТО в Брюсселе и принимал у себя в стране высокопоставленных представителей Альянса. Он всегда давал высокую оценку сотрудничеству Астаны и Брюсселя, которое, по его мнению, велось не только в военной сфере [9]. Действительно, партнерство НАТО и Казахстана и сегодня выходит за рамки афганской проблематики или чисто военной сферы, поэтому на практическом уровне оно продолжает развиваться даже после вывода войск союзников из Афганистана [10].

Таджикистан как член ОДКБ так же, как и другие центральноазиатские страны, входившие в Организацию, имел определенные

ограничения при выстраивании сотрудничества с НАТО. В первую очередь руководство Республики, на территории которой уже находилась российская 201-я военная база, не спешило размещать подобные объекты государств-членов Альянса, исключением стало лишь уже упомянутое временное размещение военного инженерного корпуса Франции в аэропорту Душанбе. Тем не менее довольно активно Таджикистан особенно в 2000-е гг. сотрудничал с Альянсом по вопросу транзита грузов в Афганистан для нужд МССБ. Более того, именно данная Республика стала первой страной Центральной Азии, официально оформившей свои отношения с Организацией Североатлантического договора в этой области. 20 октября 2004 г. в Душанбе генеральный секретарь НАТО Я. Схеффер и министр иностранных дел Таджикистана Т. Назаров подписали соглашение о транзите в целях поддержки МССБ в Афганистане, выполнявших свои задачи под эгидой Альянса [11].

Во второй половине 2000-х гг. состоялось несколько встреч представителей таджикского руководства с высокопоставленными должностными лицами Организации Североатлантического договора. Так, к примеру, с 21 по 25 сентября 2007 г. довольно представительная делегация чиновников из министерства иностранных дел, совета национальной безопасности и министерства внутренних дел Таджикистана под руководством генерала М. Хасанова посетила штаб-квартиру НАТО и руководящие военные структуры Организации [12]. Здесь у них состоялась дискуссия, касающаяся взаимодействия Альянса со странами Центральной Азии и РФ, а также операции МССБ в Афганистане. Кроме того, обсуждалось сотрудничество Таджикистана с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» в соответствии с Индивидуальным планом действий партнерства в таких сферах, как борьба с терроризмом, безопасность границ, кризисное регулирование и гражданское чрезвычайное планирование.

Важную роль в развитии политического диалога между сторонами сыграло проведение встреч на высшем уровне. Еще в рамках своего первого визита в штаб-квартиру НАТО в Брюссель 25 марта 2003 г. президент Таджикистана Э. Рахмон в ходе встречи с генеральным секретарем Альянса Дж. Робертсоном призвал к активизации сотрудничества между сторонами, прежде всего в сфере борьбы с наркотрафиком [13]. Спустя почти 6 лет, 11 февраля 2009 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе таджикский лидер провел переговоры с генеральным секретарем НАТО Я. Схеффером. В первую очередь стороны обсудили возможности для углубления сотрудничества в контексте выполнения Индивидуального плана действий партнерства [14]. Конечно, обсуждение взаимодействия осуществ-

лялось в тесной увязке с событиями в соседнем Афганистане.

Еще больший упор на афганскую проблематику был сделан в ходе переговоров между президентом Таджикистана Э. Рахмоном и генеральным секретарем НАТО А. Расмуссеном, состоявшихся 10 апреля 2013 г. в рамках очередного визита таджикстанского лидера в штабквартиру НАТО. Генсек Альянса тогда заявил о том, что Брюссель рассчитывает на углубление взаимодействия с Душанбе в контексте приближавшегося в конце 2014 г. реформирования операции МССБ в Афганистане в небоювую миссию: «Мы надеемся на расширение нашего с вами диалога об Афганистане. НАТО и Таджикистан имеют общую заинтересованность в стабильном и безопасном Афганистане» [15].

Стоит отдельно отметить, что на протяжении 2000–2010-х гг. НАТО и Таджикистан осуществляли взаимодействие в научной сфере. Проекты, реализованные при финансовой поддержке Альянса, были направлены на цифровизацию таджикских вузов и на регулирование уровня токсичных загрязняющих веществ в водоемах страны [16]. Кроме того, начиная с 2006 г., Управление общественной дипломатии НАТО ежегодно организовывало в Таджикистане работу летней академии, на площадке которой студенты из Афганистана, России и Центральной Азии обсуждали с экспертами, дипломатами и военными из государств-членов Альянса актуальные проблемы региональной безопасности [17].

В целом Республика Таджикистан довольно активно развивала сотрудничество в области безопасности с Альянсом вплоть до середины 2010-х гг. [18], когда центральноазиатское направление утратило повышенную значимость для блока НАТО и он стал сворачивать отдельные проекты в регионе. Тем не менее после окончательного вывода войск США и их союзников из Афганистана в 2021 г. Вашингтон начал вновь налаживать взаимодействие с Душанбе на прежнем уровне, хотя это пока не совсем получается.

Примерно по такому же сценарию, как и в случае с Таджикистаном, строились отношения НАТО с Киргизией, хотя, безусловно, они обладали определенной спецификой. Главная особенность заключалась в том, что политическая нестабильность в стране накладывала свой отпечаток на взаимодействие сторон на высшем и высоком уровне, которое тем не менее, несмотря на все потрясения, осуществлялось на регулярной основе вне зависимости от того, кто находился у власти в Кыргызстане. Однако делалось это в том числе с поправкой на членство Киргизии в ОДКБ. В связи с этим следует отметить, что среди всех лидеров государств Центральной Азии, входивших в данную Организацию на рубеже 2000–2010-х гг., только

президент Киргизской Республики А. Атамбаев адресовал руководству НАТО четкое предложение наладить отношения между Альянсом и ОДКБ для запуска совместной работы на афганском направлении после завершения миссии МССБ в 2014 г. [19]. Правда, это обращение так же, как и многочисленные призывы РФ, так и не были услышаны в Брюсселе.

При этом на практическом уровне в 2000–2010-е гг. Киргизия и НАТО сотрудничали достаточно активно по целому ряду направлений. Одним из флагманских проектов стала программа, помогавшая бывшим военнослужащим вооруженных сил Кыргызстана адаптироваться к гражданской жизни, финансирование которой осуществляло НАТО [20]. С 2010 по 2016 г. ее участниками стали около 900 бывших киргизских военных. Альянс осуществлял и другие инициативы, позволявшие ему оказывать определенное влияние на ход оборонных реформ в стране, к примеру, организовал специальные курсы изучения английского языка для военнослужащих Киргизии, для того чтобы дать им возможность продолжить военное образование за рубежом [21]. Однако после того, как окончательно в 2014 г. было прекращено использование авиабазы Манас американцами, блок НАТО утратил интерес к углублению многопрофильного сотрудничества с Киргизией. Очевидно, что для руководства страны взаимодействие с Альянсом сегодня тоже не является приоритетным направлением политики безопасности, о чем свидетельствует Концепция внешней политики Кыргызской Республики [22].

Среди всех государств Центральной Азии Узбекистан имел, пожалуй, самые неровные отношения с НАТО в XXI в. В первую очередь это объяснялось спецификой режима И. Каримова. Если в первой половине 2000-х гг. на фоне потрясений в соседнем Афганистане отмечалось небывалое сближение страны с государствами-членами Альянса, символом чего стало создание американской авиабазы на аэродроме Карши-Ханабад, то после Андижанских событий 2005 г. произошло охлаждение отношений между сторонами. В своем официальном заявлении о ситуации в Узбекистане 14 мая 2005 г. генеральный секретарь НАТО Я. Схеффер выразил обеспокоенность возникшей напряженностью в стране и призвал все стороны разрешить конфликт мирными средствами [23].

Однако в течение последующих двух недель позиция руководства Североатлантического альянса по Андижанским событиям стала более жесткой. Это отчетливо видно на примере выступления генсека НАТО Я. Схеффера в Люблянском университете в Словении 31 мая 2005 г., в котором он заявил о том, что евроатлантическое партнерство основано не только на общих интересах безопасности, но и на демократических ценностях, поэтому, по его словам, союз-

ники решительно осудили сообщения о применении чрезмерной и непропорциональной силы органами безопасности Узбекистана и призвали официальный Ташкент к независимому международному расследованию и соблюдению прав человека [24].

Руководство Узбекистана не могло смириться с подобной критикой со стороны Запада и начало сворачивать совместные проекты с государствами-членами НАТО в области безопасности. В 2005 г. американцам был закрыт доступ на базу Карши-Ханабад, в 2006 г. Ташкент заявил о своем желании стать полноправным членом ОДКБ, правда, пребывание в составе Организации было не очень долгим, поскольку уже в 2012 г. страна приостановила свое членство.

Понимая, что возникает опасность перехода важного регионального игрока в Центральной Азии в стан союзников России, руководство Североатлантического альянса попыталось приступить к постепенной нормализации отношений с Узбекистаном. С этой целью 12 ноября 2007 г. специальный представитель Генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии Р. Симмонс посетил с рабочим визитом Ташкент, где провел встречи с руководством министерства иностранных дел, министерства обороны и парламента страны, в ходе которых обсуждались как вопросы двустороннего сотрудничества, так и ситуация в соседнем Афганистане [25].

В практическом плане взаимодействие в этот период шло и по другим направлениям. В частности, 26 ноября 2009 г. в Узбекистане был запущен проект НАТО по уничтожению 1100 т такого высокотоксичного вещества, как меланж [26]. В советское время его использовали в качестве окислителя ракетного топлива, а после распада СССР запасы хранились на складах в ухудшающихся условиях, что было опасно для окружающей среды и местного населения. Процесс очистки территории производился при помощи мобильной установки, успешно применявшейся до этого в Азербайджане. Финансирование проекта шло через программу НАТО «Наука ради мира и безопасности», а эксплуатация самой установки осуществлялась Агентством НАТО по техническому обеспечению и снабжению совместно с турецкой компанией и подготовленными для этой цели узбекистанскими специалистами.

Полноценное восстановление отношений Узбекистана и НАТО произошло в 2011 г., когда штаб-квартиру Альянса в Брюсселе посетил президент страны И. Каримов. Он провел переговоры с генеральным секретарем НАТО А. Расмуссеном, в ходе которых были рассмотрены возможности для осуществления дальнейших грузовых перевозок в Афганистан, с учетом подписанного в 2009 г. соглашения о транзите

невоенных грузов в эту страну. Стоит отметить, что в ходе той встречи генсек Альянса уже не пытался учить демократии президента Узбекистана, а лишь ненавязчиво напоминал о том, что Организация Североатлантического договора готова поспособствовать демократическим реформам в этом государстве [27].

Подчеркивая особый характер своих отношений с Узбекистаном, Альянс открыл в мае 2014 г. в Ташкенте Бюро НАТО по связям и взаимодействию со странами Центральной Азии, а при Университете мировой экономики и дипломатии Узбекистана создал свою депозитарную библиотеку. Однако уже 31 марта 2017 г. Бюро прекратило свое существование, что по официальной версии было связано с изменением структуры взаимодействия НАТО с региональными партнерами. Тем не менее и после этого Североатлантический альянс сохраняет интерес к развитию взаимодействия с Узбекистаном, а США продолжают искать возможности для размещения своей военной инфраструктуры на территории страны.

Понятно, что на протяжении всего рассматриваемого периода наименее интенсивным было взаимодействие НАТО с Туркменистаном в силу закрепленного постоянного нейтралитета этого государства. Тем не менее определенные контакты между Брюсселем и Ашхабадом в сфере безопасности, в том числе и на высшем уровне, все же осуществлялись в последние два десятилетия в первую очередь в контексте происходящих событий в соседнем Афганистане. Так, например, менее чем через год после своего первого избрания на должность 7 ноября 2007 г. президент Республики Туркменистан Г. Бердымухамедов посетил с визитом штаб-квартиру Альянса в Брюсселе и встретился с Генеральным секретарем НАТО Я. Схеффером. В ходе переговоров стороны обсудили отношения между Туркменистаном и Альянсом в рамках программы «Партнерство ради мира», а также деятельность МССБ в Афганистане и выразили готовность укреплять практическое сотрудничество в ключевых секторах безопасности. Г. Бердымухамедов отметил тогда, что его страна поддерживает усилия международного сообщества под руководством НАТО по стабилизации обстановки на афганской территории [28].

На первый взгляд, могло бы показаться, что эта поездка говорила о попытках туркменистанского руководства повысить уровень отношений с военно-политической организацией, что должно было свидетельствовать об отходе от принципа нейтралитета во внешней политике страны. Однако это было не так, нейтральный статус Туркменистана, как известно, сохранился, на его территории не появились объекты военной инфраструктуры государств-членов НАТО. В последующие годы стороны просто увеличили количество проводимых совместно форумов

и консультаций по вопросам региональной безопасности.

Несмотря на то, что в реалиях Центральной Азии индивидуальный формат работы с каждым государством представляется наиболее эффективным, НАТО, как и другие международные акторы в XXI в., старалось использовать и многосторонние механизмы, для того чтобы решать свои геополитические задачи. Проявлением подобного подхода стала, например, организация встреч с представителями государств Центральной Азии. 30–31 мая 2011 г. парламентарии из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана посетили штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где обсудили с представителями Организации Североатлантического договора ряд важнейших вопросов региональной безопасности, включая сотрудничество по стабилизации ситуации в Афганистане, заявив при этом о полной поддержке действий Альянса [29]. Такой многосторонний подход в рамках диалога с центральноазиатскими республиками Альянс использовал и для проведения различных мероприятий в рамках так называемой «дипломатии второго трека» по широкому кругу вопросов. В частности, можно вспомнить про проведение 14–15 декабря 2016 г. в Ашхабаде конференции под названием «25 лет независимости: вопросы энергетической безопасности в Центральной Азии и в других регионах» с участием экспертов из Афганистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана [30]. Подобные мероприятия существенным образом расширяли круг вопросов, по которым осуществлялось взаимодействие Альянса и центральноазиатских республик, выводя его за рамки чисто афганской проблематики.

Стоит отдельно отметить, что в 2006–2014-е гг. реализовывался крайне важный для региональной безопасности проект по линии Совета Россия – НАТО (СРН), направленный на подготовку сотрудников антинаркотических ведомств Афганистана, Пакистана и стран Центральной Азии. За весь период было подготовлено свыше 4000 специалистов в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Однако, после того как 1 апреля 2014 г. государства-члены НАТО приняли решение о заморозке практического сотрудничества с РФ, данный проект был свернут. В мае 2015 г. на конференции в Ашхабаде НАТО и Управление ООН по наркотикам и преступности запустили новую инициативу, направленную на обучение сотрудников правоохранительных органов центральноазиатских государств, Афганистана и Пакистана методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков [31]. Правда, без участия России этот многосторонний проект, создававшийся как замена предыдущего, не стал таким же успешным, как тот, что реализовывался под эгидой СРН.

Необходимо подчеркнуть, что в последние годы НАТО активно использовало механизм контактных посольств для усиления своего влияния на региональные процессы. При этом страны, выполнявшие эти функции, получали возможность продвигать интересующую их повестку дня в каждом из государств, причем не только в сфере безопасности. Неудивительно, что часто контактным посольством становилось представительство той страны, которая имела тесные связи с конкретным центральноазиатским государством в торгово-экономической или культурно-гуманитарной сфере (Нидерланды в Казахстане, США в Таджикистане, Италия в Туркменистане, Турция в Узбекистане) [32, с. 93].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что НАТО довольно активно действовало в регионе Центральной Азии на протяжении последних двух десятилетий. Альянс в силу положений Североатлантического договора не планировал включать данные государства в свой состав в отличие от государств Восточной и Юго-Восточной Европы, он лишь рассчитывал создать основы для долгосрочного сотрудничества с региональными партнерами в сфере безопасности в контексте проведения операции в соседнем Афганистане. Однако, помимо этого, у НАТО была и другая не менее важная цель. Она заключалась в вытеснении России из геополитически значимого региона и в недопущении закрепления здесь других игроков, таких как Китай и Иран. В связи с этим даже после того, как государства-члены НАТО окончательно вывели свои контингенты из Афганистана в 2021 г., Брюссель не утратил интереса к центральноазиатскому региональному пространству.

Североатлантическому альянсу будет явно выгодно ослабление позиций России как традиционного регулятора межгосударственных конфликтов в Центральной Азии. Кроме того, в интересах НАТО и парализация деятельности ОДКБ на центральноазиатском направлении, которая может потенциально произойти из-за кризиса союзнической солидарности и нарастания противоречий между членами Организации в данном регионе. Даже если Альянс напрямую не будет провоцировать возникновение таких конфликтов между отдельными государствами, он будет стараться воспользоваться их последствиями. Наиболее подходящим вариантом для реализации подобной политики в регионе является игра на противоречиях между Киргизией и Таджикистаном по приграничному вопросу.

При этом НАТО постепенно будет предлагать сотрудничество государствам Центральной Азии, включая страны ОДКБ, в индивидуальном формате не только по афганской проблематике, но и по ряду высокотехнологичных направлений, таких как кибербезопасность. Наиболее интенсивно такие отношения будут развиваться с Казахстаном. Кроме того, представители

Альянса будут пытаться убедить руководство центральноазиатских республик в том, что они якобы могут получить доступ к уникальным военным технологиям и выйти из так называемой зависимости от России, став полностью самостоятельными акторами региональной безопасности.

В реальности это будет означать как раз утрату суверенитета и отказ от полноценного взаимовыгодного сотрудничества с Россией в области безопасности, позволяющего государствам Центральной Азии получать бесценный опыт в ходе учений, а также качественное оружие по низким ценам и практическую помощь, необходимую для эффективного противодействия терроризму и экстремизму. Лидеры центральноазиатских республик должны понимать, что не страны НАТО, а именно Россия может взаимодействовать с ними как с равноправными партнерами и вносить реальный вклад в укрепление региональной стабильности и безопасности.

Список литературы

1. Асташин В. В. НАТО и проблемы безопасности в Центральной Азии после 11 сентября 2001 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. Вып. 1 (13). С. 92–99.
2. Tajikistan signs the Partnership for Peace Framework Document. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_19493.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
3. Акматалиева А. М. НАТО и государства Центрально-Азиатского региона: перспективы сотрудничества // Сравнительная политика. 2012. Т. 3, № 4. С. 32–35.
4. NATO Secretary General visits Central Asia. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_20736.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
5. Стамбульская декларация: наша безопасность в новую эру. URL: https://www.nato.int/docu/rdr-gde-ist/html_rus/ist-sum-rg-2.html (дата обращения: 02.04.2023).
6. Шаймерганов Т. Т. Перспективы реализации центральноазиатской стратегии НАТО: роль Казахстана // Россия и мусульманский мир. 2008. № 11 (197). С. 56–71.
7. Неделя НАТО в Казахстане. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_22262.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
8. NATO and Kazakhstan hold peacekeeping exercise. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_43627.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
9. Joint Press Point with NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen and the President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_67473.htm (дата обращения: 02.04.2023).
10. Посол РК и Специальный представитель Генерального секретаря НАТО обсудили актуальные вопросы сотрудничества. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-brussels/press/news/details/320008?directionId=1678&lang=ru> (дата обращения: 02.04.2023).
11. Tajikistan to boost Support for NATO's Afghanistan Mission. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_20735.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
12. Официальные представители Таджикистана стремятся углубить сотрудничество с НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_7811.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
13. President of Tajikistan visits NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_20236.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
14. Президент Таджикистана провел переговоры с генсекретарем НАТО. URL: <https://khover.tj/rus/2009/02/prezident-tadzhikistana-provyol-peregovory-s-gensekretaryom-nato/> (дата обращения: 02.04.2023).
15. President of Tajikistan visits NATO Headquarters. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_99484.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
16. НАТО развивает научное сотрудничество с Таджикистаном. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_127380.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
17. NATO-supported Summer Academy in Tajikistan focuses on Development and Cooperation. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_111637.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
18. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 02.04.2023).
19. Joint Press Point with NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen and the President of Kyrgyzstan, Mr. Almazbek Atambayev. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_103200.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
20. NATO-funded Programme helps Kyrgyz Military Personnel Transition to civilian life. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_85865.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
21. Kyrgyz officers graduate from NATO-supported courses. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_132113.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
22. Концепция внешней политики Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 02.04.2023).
23. Statement by the Secretary General on the Situation in Uzbekistan. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_21798.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
24. «A Transforming Alliance»: Speech by NATO Secretary General, Jaap de Hoop Scheffer at the University of Ljubljana, Slovenia. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_103200.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).

- www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_21779.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
25. Посланник НАТО посещает с визитом Узбекистан. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_7954.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
 26. НАТО начинает проект по уничтожению меланжа в Узбекистане. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_59432.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
 27. Генеральный секретарь НАТО обсуждает партнерские отношения и Афганистан с президентом Узбекистана. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_69950.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
 28. President of Turkmenistan visits NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_7922.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
 29. Парламентарии из Центральной Азии посещают НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_75125.htm (дата обращения: 02.04.2023).
 30. Central Asian Experts discuss Energy Security Issues. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_140021.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.04.2023).
 31. НАТО и УНП ООН начинают обучение методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Центральной Азии. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_119956.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 02.04.2023).
 32. Бахриев Б. Х., Рустамова Л. Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 90–100. <https://doi.org/10.17223/15617793/458/11>

Поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 30.06.2023